

Н.Г. Долинина

8. Кто б ни был ты, о мой читатель, Друг, недруг, я хочу с тобой Расстаться нынче как приятель...

«Прощай! и если навсегда, то навсегда прощай». Эпиграф из Байрона ранит сердце — грустное это слово: «прощай!» — мучительно расставаться с близкими, а в восьмой главе много расставаний. Потеряют друг друга Онегин и Татьяна, расстанется с ними поэт, и с нами, читателями, он тоже простится в этой главе. Но, прежде чем мы закроем последнюю страницу романа, наш Пушкин, уже не мальчик, а зрелый человек, столько дум передумавший, столько чувств переживавший, щедро — как только он умеет щедро — подарит нам и мысли свои, и чувства.

В восьмой главе Пушкин не уходит со страниц романа. Он напрямую разговаривает с читателем, он не оставляет героев, потому что им трудно; он хочет помочь им жить — и нам тоже; он с открытой душой раздает нам то богатство, которое накапливал всю жизнь: мудрость и чистоту своего сердца...

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...

Я люблю Пушкина вот за это удивительное сочетание простоты и величия — он был мальчишкой, как все, он «читал охотно» веселую и не очень приличную книгу римского писателя Апулея и не хотел читать серьезного Цицерона, «полагавшегося» по программе... Он расцветал «безмятежно» в садах Лицея потому что, как ни много у детей своих трудностей, их восприятие мира все-таки, как правило, светло. Мальчишка как все — но уже поэт, потому что

В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Светлый звон слышится в первых восьми строчках главы, описывающих безмятежное и поэтическое детство. Короткие, прозрачные слова первого четверостишия о простом, обычном детстве сменяются длинными, возвышенными, когда в мир детства входит Поэзия: таинственные долины; клики лебединые; воды, сиявшие в тишине... И как точно описано именно Царское Село — город Пушкин!

Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

Когда мне говорят: реализм — я вспоминаю не долгие, подробные описания комнат, людей, полян, которые читала у других писателей, а эти вот легкие, шуточные строчки, по которым можно изучить историю русской литературы. В одной строфе — семь лет жизни гениального мальчика, и мы всё узнали из этой строфы: где он рос и как, что любил, прилежно ли учился, в какой маленькой комнате (похожей на монашескую келью) жил, а главное — о чем думал, о чем писал... Точность абсолютная, необыкновенная: к каждому слову можно подобрать, так сказать, факты: муза «воспела детские веселья» — вспомните стихотворение «Пирующие студенты» с привычной насмешкой над бедным Кюхлей:

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Или прямо перекликающееся с написанными через пятнадцать лет онегинскими строками послание Пушкину: «Веселье, будь до гроба сопутник верный наш!»

Муза воспела «славу нашей старины» — вот они, знаменитые, читанные в присутствии Державина «Воспоминания в Царском Селе». А уж «сердца трепетные сны» — чуть не в каждом стихотворении: «К Наташе», «К живописцу», «Пробуждение», «Морфей», «Желание»...

Но уже тогда, в Лицее, четырнадцатилетний мальчик знал, на какой путь вступает, понимал, что есть судьба поэтов в злом мире: «Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон», и все-таки выбрал себе этот путь — не другой. И пошел по своему пути, не отступая...

Мы снова возвращаемся к вопросу, который ставит жизнь перед каждым: как жить — легко и бездумно или трудно, но полной жизнью? Для Пушкина жизнь всегда была праздником — как бы горько ни было порой угощение на этом празднике. И не случайно уже в детстве муза его устраивает праздник дружбы, любви, творчества, веселья, наслаждения природой, — богатство необычайное принесла ему муза!

А он не хотел хранить это богатство для себя одного.

Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров...
...
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

Тридцатилетний Пушкин, имеющий цензором самого царя, не может ничего больше рассказать о той светлой эпохе, сыном которой он был и остался, — о «буйных спорах» декабристов, поклонявшихся его музе... Но и здесь он успевает сказать так много: «А я гордился меж друзей...» — где друзья? Погибли, сосланы, заточены в сырые казематы, объявлены государственными преступниками! А он помнит их, несет свет их дружбы, гордится их любовью к своей музе...

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал... Она за мной.
Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!

Не только внешние факты биографии поэта переданы в начале восьмой главы: ссылка, Кавказ, Крым, Молдавия — но, главное, внутренний его мир, движение творческой мысли, развитие души его — всё в этих строчках.

Молодой Пушкин на юге был романтиком. Зрелый Пушкин — реалист, описывая это время, вспоминает и прежние слова: «услаждала», «волшебством», «во мгле ночной», «немолчный шепот»... Но вот — после того как муза «смиранные шатры племен бродящих посещала, и между ими одичала», —

Вдруг изменилось все кругом,
И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

И снова перед нами — зрелый Пушкин, автор «Онегина». Только пять строф понадобилось ему, чтобы вспомнить всю свою жизнь — нелегкую и счастливую, переполненную бедами и радостями. Есть немало людей, уходящих от своей молодости без оглядки, —

зачем хранить свежую наивность юных дней, без нее проще... Есть другие — они несут юность свою в сердце до гроба, остаются верны ей.

Таков Пушкин. Все, что он очень серьезно скажет нам о трудной жизни взрослого человека, — все окрашено чистым светом его юности, который он пронес через жизнь. Была молодость — она ушла. Были друзья — их погубили. Но осталась память о них, верность этой памяти, тому делу, за которое они отдали жизнь, пошли в нерчинские рудники. Осталась муза. Она неизменна, она всегда останется честной и светлой, везде поможет жить.

И ныне музу я впервые
На светский раут привожу...

В первой главе мы видели петербургский бал глазами Пушкина — но мельком, в сущности, с улицы, через окно: «По цельным окнам тени ходят...» Мы успели увидеть, как вошел Онегин, как «летают ножки милых дам», но не видели петербургского света близко и не слышали его суждений. Теперь, в восьмой главе, нас приводят на «светский раут» вместе с музой и заставляют смотреть вокруг ее любопытным и чистым взглядом. Но ведь и этот взгляд — пушкинский. Он, проведший в свете молодость, увлекавшийся «шумной теснотой», отвергнувший это увлечение, как многие другие, — он умеет взглянуть свежо, беспристрастно на то, что хорошо знакомо, и поделиться с любопытным читателем не только опытом своим, но и новизной восприятия!

В свете многое привлекательно. Мы вместе с музой любимся

...шумной теснотой,
Мельканьем платьев и речей,
Явленьем медленным гостей
Перед хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчин
Вкруг дам, как около картин.

Не случайно же Пушкин почти дословно повторяет слова, найденные в первой главе: опять «шумная теснота» — атмосфера вечного праздника, легкости, веселья... И музыка — медлительная мелодия старинного танца звучит в пушкинских строках: «мельканье», «явленье медленное» — слышатся неторопливые звуки полонеза...

Гоголь, издеваясь над балом в губернском городе N, сравнивает мужчин в черных костюмах, кружащихся вокруг дам в светлых платьях, с мухами на сахаре! Пушкин любит живописную картину бала, он видит «темную раму мужчин вкруг дам»... Музе не просто интересна, но и приятна внешняя сдержанность и красота светского сборища. Но...

Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.
Мелькают лица перед ним
Как ряд докучных привидений.

Пушкин умеет смотреть сразу за всех: и за нас с вами, только на сцене видевших балы, и за свою «музу резвую», и за Онегина, знающего цену и внешней красоте света, и внутренней его низости. «Для всех он кажется чужим». Это новость. Онегину первой главы свет наскучил, опостылел, но он был там своим. А теперь — и он чужой, и ему привычные лица кажутся «рядом докучных привидений».

Пушкин забрасывает читателя вопросами — и не так уж просто догадаться, от кого исходит каждый из этих вопросов:

Зачем он здесь?
Кто он таков? Ужель Евгений?
Ужели он?.. Так, точно он. —
Давно ли к нам он занесен?

Самый главный из этих вопросов и бесспорно принадлежащий Пушкину — вот какой: «Зачем он здесь?» Мы не видели Онегина три года. Мы расстались с ним в горькую, переломную минуту его судьбы — он отказался от любви, убил друга и ужаснулся тому, что совершил. Где он был эти три года, о чем думал, что чувствовал — мы не знаем. Но «зачем он здесь»? Мы все-таки верим в Онегина, и очень не хочется думать, что здесь, в свете, он найдет себе место и успокоение. Пушкин сам себя спрашивает и сам себе отвечает: «Ужели он?.. Так, точно он». Но в размышления поэта врывается другой голос, холодный, иронический голос светского человека: «Давно ли к нам он занесен?» И это «к нам», и то, что Онегин «занесен» каким-то роком, судьбой, как будто не своей волей, не сам приехал, а занесен, — все это развивает уже высказанную мысль: «Для всех он кажется чужим». Пересуды светских франтов злы и разнообразны:

Все тот же он иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите: чем он возвратился?
Что нам представит он пока?

Здесь каждое слово расширяет и углубляет пропасть между Онегиным и людьми света. Почему он должен «усмириться»? Значит, в прежние годы, живя в свете, Евгений уже раздражал окружающих своей необычностью? Да, конечно, раз о нем говорят резкое слово: «корчит чудака».

Главная доблесть всякого мещанина — самолюбование, самовосхваление. Те, кто не похожи на него, кажутся ему чужаками: разве можно искренне не хотеть походить на него? Значит, все, кто не похожи на него, что-то из себя «корчат». И не случайно светские пошляки спрашивают: «Чем ныне явится?» — чем, а не кем.

Предположения о том, каким «явится» теперь Евгений, сыплются одно за другим:

Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной..?

Свет старается подогнать Онегина под привычный шаблонный тип — то, что человек может быть не таким, как все, и в то же время самим собой, непонятно свету. Все, что не похоже на общий уровень, объявляется маской, и никому не приходит в голову, что именно люди общего уровня — маски, а те, кто не похож на них, — живые...

И конечно, как всякая ограниченная душа, человек света считает себя всеведущим и дает указания:

Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?
По крайней мере мой совет:
Отстать от моды обветшалай...

Посредственность страх как не любит тех, кто выделяется. Ей обязательно нужно, чтобы все были похожи друг на друга, чтобы все были «средними», обычными, не «выскакивали»... Вот и советуют Онегину быть «добрым малым», как все...

Пушкин стоял в стороне и слушал, как судили о его герое. Он терпел, пока Онегина называли то космополитом — гражданином вселенной, то патриотом, то Гарольдом — разочарованным героем Байрона, то квакером — религиозным сектантом... Но когда Онегину начали советовать и указывать, как жить, Пушкин не выдержал и ворвался в разговор:

— Знаком он вам? — И да и нет.

Это очень важная строчка. Да, конечно, Евгений знаком свету: он провел в нем восемь лет, и жизнь его была на виду у всех — «однообразна и пестра», как у «добрых малых». Но что-то в нем и раньше было не такое, как у других. А теперь, после трехлетнего отсутствия, может, разрослась в нем эта непохожесть на других? Вот почему

человек света отвечает: «И да и нет». А Пушкин уже не хочет остановиться, уже бросился в бой за своего героя:

— Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем...

Кто это — мы? Люди вообще? Или люди в пышном петербургском зале? Хотелось бы ответить: конечно, только светские бездельники. Но ведь и сейчас мы умеем — все еще умеем «неугомонно» и скоропалительно судить о тех, кого считаем странными! А Пушкина возмущает,

Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

Строфы IX–XI восьмой главы едва ли не самые важные в романе. Они написаны подряд, без кавычек, и мы не сразу догадываемся, что говорит их вовсе не один человек. Это — принципиальный, идейный спор Пушкина с человеком из враждебного, ненавистного ему мира; это — два прямо противоположных мировоззрения.

Вмешавшись в светскую беседу об Онегине, Пушкин в строфе IX горько смеется над тем идеалом, который создали себе «важные люди». Посредственность, самолюбивая ничтожность — вот кто счастлив, вот кто не вызывает удивления или недовольства. «Молчалины блаженствуют на свете!»

И сейчас же — в строфе X — эта самая посредственность отвечает поэту, рисуя свой идеал:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался...

«Смолоду был молод» и «вовремя созрел» — ведь это же тот самый тип человека, который забыл, предал свою юность, оставил «на дороге» ее идеалы и пошел дальше без них. Жизнь, как у всех, расчисленная заранее, без неожиданностей:

Кто в двадцать лет был фронт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился. ..

Нам вполне знакомы такие люди. Вот Молчалин «в двадцать лет был фронт иль хват, а в тридцать выгодно женат». Вот Скалозуб «славы, денег и чинов спокойно в очередь добился». Конечно, каждый из них «жизни холод с летами вытерпеть умел!» Конечно, ни один из них «странным снам не предавался!» Но были ведь и другие люди. Они добивались славы не в очередь — мужеством, трудом, талантом. Они «предавались странным снам» и шли за эти «сны» на каторгу. Мы знаем таких людей и в книгах, и в жизни. Это Пьер Безухов и Андрей Болконский, это Пестель и генерал Волконский, получивший

высокий чин совсем молодым, это сам Пушкин — он не хотел терпеть холод жизни и не был среди тех,

О ком твердили целый век:
NN прекрасный человек.

Пушкин не просто смеется над взглядами своего противника, он очень серьезно размышляет о них, спорит с ними. Настойчиво, дважды повторенное «блажен» снова возвращает к тому, о чем Пушкин много раз заставлял нас думать, — и правда: блажен, кто живет, как все, не выходя из общепринятых норм, так ему легко, так спокойно!

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она...

Что можно противопоставить сытому, убедительному идеалу пошлого человека? Как объяснить ему, что его размеренная жизнь, которой он так доволен, жалка, убийственна, недостойна? Пушкин находит самое веское доказательство: нельзя предавать молодость! Нельзя — потому что, как бы ни был ты доволен собой и сытым, безбедным, бессмысленным своим существованием, как бы ни презирал всех, кто мыслит и живет иначе, может наступить день, когда страшно станет оттого,

Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.

Пушкину никогда не пришлось остановиться в ужасе перед своей жизнью; он остался молодым навсегда; он доказал нам:

Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд...

В первой главе Пушкин и Онегин были очень разные. Какие они теперь? Оба немало пережили за прошедшие годы, оба познали горечь утрат и разочарований... Стали они ближе друг другу, чем раньше, или совсем разошлись?

Окончательный текст романа — восемь глав — не дает нам ответа на вопрос, где был Онегин целых три года. Но сохранились отрывки из путешествия Онегина: ведь Пушкин сначала предполагал, что роман будет состоять из девяти глав: восьмая расскажет о странствиях Онегина, а девятая — о его встрече с Татьяной в Петербурге. Отрывки из путешествия Онегина помогают понять, что пережил он, к чему пришел, с каким душевным грузом явился в большой свет осенью 1824 года.

Даже самый маршрут Онегина интересен: Москва — Нижний Новгород — Астрахань — Кавказ — Крым — Одесса... Евгений, ничего не видевший, кроме Невского проспекта да своего поместья, узнает теперь свою страну, ее историю, не может не задуматься о ее прошлом и настоящем. Символ русской вольности — Новгород Великий, Волга и «разбойные» песни бурлаков про Стеньку Разина, Кавказ с цветом русского офицерства, пропитанным южно-декабристскими настроениями, наконец, Одесса весной и летом 1824 года — не раньше и не позже, чем там был Пушкин... Умный Онегин, да еще в том состоянии душевного потрясения, в котором он отправился странствовать, не мог остаться равнодушным к огромному множеству навалившихся на него впечатлений. Он не может не сравнивать старый, мятежный Новгород с нынешним, торгашеским, где «всюду меркантильный дух». Он видит на Кавказских водах разных больных: и раненных в сраженьях, и наживших свои хворости бездельем, светской суетней... Пушкин много раз переделывал путешествие Онегина; трудно ему было: перо толкалось в запрещенные темы... По сохранившимся многочисленным наброскам мы видим, что поэт твердо решил позна-

комить своего героя с родиной: Онегин видел и аракчеевские военные поселения, и нищие деревни, и так опостылевшие самому Пушкину российские дороги...

Разумеется, все это не развеселило Евгения. Через все его путешествие проходит горькое восклицание: «Тоска!» Страшно делается, когда вникаешь в мысли молодого здорового человека:

Зачем я пулей в грудь не ранен?
 Зачем не хилый я старик,
 Как этот бедный откупщик?
 Зачем, как тульский заседатель,
 Я не лежу в параличе?
 Зачем не чувствую в плече
 Хоть ревматизма? — Ах, создатель!
 Я молод, жизнь во мне крепка;
 Чего мне ждать? Тоска, тоска!..

Эти мысли Онегина по-разному рассматриваются литературоведами. Одни видят в них все ту же опустошенность, с какой Евгений весной 1820 года ехал в деревню к дяде. Другие считают, что причины тоски Онегина изменились: он познакомился со своей страной, увидел и понял ее страдания, мучается от бессилия помочь ей, от того, что не видит для себя осмысленной жизни, осмысленной борьбы...

Мне кажется более правильным считать, что Евгений приезжает в Петербург обновленным. Он так много увидел и глазами, и сердцем, что не мог не измениться. Доказательства этому мы найдем и в самом тексте восьмой главы.

Итак, встретив Онегина в Петербурге, Пушкин коротко напоминает нам всю его жизнь: «убив на поединке друга» — теперь, по прошествии трех лет, нет сомнений, что Ленский был ему именно другом, а не врагом, —

Убив на поединке друга,
 Дожив без цели, без трудов
 До двадцати шести годов,
 Томясь в бездействии досуга...
 ...
 Оставил он свое селенье...

После трех лет странствий

Он возвратился и попал,
 Как Чацкий, с корабля на бал.

Почему — как Чацкий? Зачем понадобилось сравнивать Онегина именно с Чацким? Очевидно, потому, что при имени Чацкого прежде всего возникает мысль о непримиримой вражде к обществу, о глубокой внутренней жизни, которой не было у Онегина раньше...

Пушкин уважает своего читателя. Не навязывает ему разжеванных истин, а легко, между прочим, сообщает очень важные вещи и верит: читатель задумается — и поймет: не станет он зря поминать Чацкого — значит, есть что-то общее между ним и Онегиным, кроме возвращения из дальних странствий. Что же?

Только успеешь задать себе этот вопрос, как Онегина уже нет — отошел, стоит где-то за колонной, наблюдает, что происходит на бале.

Но вот толпа заколебалась,
 По зале шепот пробежал...
 К хозяйке дама приближалась,
 За нею важный генерал.

Опять — «важный», и опять вовсе не сказано, что старый генерал!

Пушкин любит Татьяну — и, пожалуй, нигде это так не чувствуется, как здесь, в восьмой главе. Именно такой описывает он ее, какой, вероятно, хотел бы видеть свою жену:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей.
Все тихо, просто было в ней.

Здесь, как и во второй главе, Пушкин описывает, какой не была Татьяна, без чего обходилась: не тороплива, не холодна, не говорлива... Четыре строки подряд начинаются предлогом «без». Татьяна выделяется в большом свете своей простотой, естественностью.

Умный поэт Катенин писал Пушкину, что переход Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, оказался неожиданным. И Пушкин согласился с ним. А я беру на себя смелость не согласиться с Пушкиным — потому что вижу в этом описании ту самую Татьяну, которую мы узнали и по любили еще в третьей главе, которую уже тогда любил Пушкин и не сумел полюбить Онегин. Ведь и тогда была она «не холодна, не говорлива», «без притязаний на успех», уже тогда «все тихо, просто было в ней». Чем сумела она так поставить себя в свете, что

К ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей,
Мужчины кланялись ниже...

Чином мужа? Но ведь не самый же важный он был из всех генералов! Пушкин и сам объясняет: в ней не было безвкусицы, вульгарности. А такой она была и раньше, в деревне. Мне кажется: Татьяна именно тем и победила свет, что не боялась его, не заискивала перед ним, а была к нему равнодушна, жила своей жизнью, далекой от этого мира пересудов и мелких, злобных радостей.

Восьмая глава вызывает больше всего споров и разнообразных толкований. Это естественно; такова особенность пушкинского романа: он сообщает читателю факты, события, поступки героев и почти не дает психологического обоснования этих событий, поступков, фактов. Изменилась Татьяна только внешне или внутренне тоже? Что за человек ее муж? Почему Онегин, не полюбивший Татьяну в деревне, теперь охвачен такой всепоглощающей страстью? На все эти вопросы Пушкин не дает однозначного, окончательного ответа, предоставляет читателю право додумывать самому...

«Всех выше и нос и плечи подымал вошедший с нею генерал!» Принято считать на основании этих строк, что муж Татьяны спесив, не очень умен, самодоволен. А я вижу в этих строчках другое: он гордится не чинами и звездами, а женщиной, которую любит, — разве это не прекрасно?

При всем равноправии в общественной жизни, в труде, в дружбе — все равно есть от века и будут всегда разные нормы поведения мужчин и женщин. И так же, как всегда неприятно видеть женщину или девушку, не умеющую сдерживать проявлений своей любви, — так же всегда прекрасен мужчина, не скрывающий своего преклонения перед любимой. Ничего уж тут не поделаешь; это неравенство остается...

Онегин узнает Татьяну сразу, но не может поверить... чему? Не тому, что она изменилась. Зная жизнь света, он может себе представить, как трудно было небогатым Лариным выбраться хотя бы в Москву. Где могла познакомиться Татьяна с блестящим генералом? Как сумел он оценить ее, если сам Онегин... оценил, но побоялся ошибиться! Не изменения в характере или внешности Татьяны, но изменения в ее судьбе кажутся ему невероятными.

На вихрь вопросов лучше всего ответит сам генерал.

«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?» –

еще лениво, длинно спрашивает Онегин, уверенный, что ошибся. Он говорит князю «ты» — и это лишнее доказательство того, что муж Татьяны вовсе не старик. Князь настроен благодушно:

«Ага! Давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я». —
«Да кто ж она?» — «Жена моя».

Что-то дрогнуло в Онегине. Но, может... может, это еще не она? Во всяком случае, от ленивого тона не осталось и следа. Вопросы, восклицания сыплются быстро, коротко:

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» — «Около двух лет». —
«На ком?» — «На Лариной». — «Татьяне!»

Вот уже и нет никаких сомнений. И это восклицание: «Татьяне!» — сколько в нем... нет, не удивления, а горечи; не просто самолюбивого чувства: вот, мол, любила меня, а вышла замуж за другого, — чего-то гораздо более глубокого и сложного, чему Онегин еще не умеет найти названия...

Князь подходит
К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.

Родня, конечно, может быть любого возраста. Но друзья обычно бывают хоть приблизительно сверстниками — так опять рушится оперная версия о старом муже. Но вот здесь, при первой же встрече в свете, мы видим то новое, что появилось в Татьяне: она стала сдержанной.

Ей-ей! не то чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.

Законы света жестоки. Если не подчиняться им, они сомнут человека. Татьяна выполнила эти законы только в одном: заперла свою душу так крепко, что до нее не добраться теперь — даже Онегину.

А Онегин, который так ловко умел скрывать напускные страсти, вовсе не умеет таить настоящую, когда она пришла к нему впервые... Ему уже нет дела до того, что творится на бале, он весь в сомненьях:

Ужель та самая Татьяна...
...
Та девочка... иль это сон?..

Много раз повторялось — и в разговорах о романе, и в серьезных книгах о нем, — что Онегина привлекли теперь в Татьяне именно ее холодная сдержанность, ее положение в свете; что он бы опять не заметил ее, встретив в деревенском саду. Я не верю этому.

С Онегиным происходит что-то новое: таким мы его еще ни разу не видели.

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожен поздний сон...

Показные страсти его молодости не тревожили душу, не заставляли задумываться и мечтать. Теперь он, как и всякий влюбленный, занят «ею» непрерывно — и так за душу берет это местоимение вместо имени: «Боже! к ней!..», которым Пушкин заставляет Евгения открыть свою страсть.

Что с ним? В каком он странном сне!
Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?

Досада? суетность? Иль вновь
Забота юности — любовь?

Почему нам так хочется, чтобы Онегин полюбил Татьяну, чтобы из трех предположений, высказанных Пушкиным, верным оказалось последнее? Ведь любовь к замужней женщине не принесет Евгению счастья. Но опять-таки — что есть счастье? Покой? Тогда, конечно, не следует Онегину влюбляться в Татьяну. Но если счастье — вовсе не в покое, а, наоборот, в полноте жизни со всеми ее тревогами, — тогда... тогда становится понятно, почему каждый читатель, молодой и старый, счастливый и несчастливый, желает Онегину мучений любви, а не мелочных переживаний досады или суетности.

Мучения не замедлили явиться.

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьет; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит...

Трепетное состояние Онегина передано всего несколькими словами: «он выезжает — он полетел — он у крыльца...» — но мы видим: жизнь Евгения превратилась в сплошное ожидание встречи, он летит вперед, навстречу страданиям и радостям настоящей любви, не рассуждая и не оглядываясь.

На вечере у Татьяны собирается «цвет столицы». Пушкин старается быть объективным: в гостиной княгини «легкий вздор сверкал без глупого жеманства», тут можно было даже услышать «разумный толк без пошлых тем», а к мужу Татьяны Пушкин явно отнесится с симпатией:

С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет.
Они смеются...

Да, Татьяна вышла замуж без любви. Но ведь не могла она — такая, какой мы ее знаем, — связать свою жизнь с человеком низким, мелким. Вот гости, собирающиеся в гостиной Татьяны, — другое дело. Раз уж княгиня и князь живут в свете, они вынуждены принимать «необходимых глупцов». Как бы они ни старались сохранить в своем доме «разумный толк», — пошлость проникает к ним то в виде «на все сердитого господина», то в другом обличье:

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души...

И этих двух строк было бы достаточно для исчерпывающей характеристики мира, где живет Татьяна, где предстоит жить и любить Онегину. Одна фамилия чего стоит: Проласов! Да еще «заслуживший известность низостью души» — и, несмотря на это, а может быть, благодаря этому, всеми принимаемый почтенный гость! Каков же свет, если уважаемые в нем люди — Проласовы!

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной...

Пушкин нисколько не приукрашивает своего героя. Он признает, что Евгений думал о равнодушной княгине, а не о «девочке несмелой». И все-таки Татьяна привлекла его не пышным положением, а той душевной силой, которую Онегин увидел и почувствовал в ней. Пушкин знает психологию человеческую, и мужскую в особенности:

Запретный плод вам подавай:
А без того вам рай не рай, —

горько шутит он. Но в размышлениях Онегина о Татьяне (на этот раз они сливаются с авторскими размышлениями) видно и глубокое понимание того, что произошло:

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!

Не просто изменилась, но «вошла в роль» — значит, Онегин понимает, что на самом деле Татьяна осталась прежней, что в душе ее, под маской равнодушной княгини, «законодательницы зал», живет та же «девчонка нежная», грустившая о нем «во мраке ночи», цельная, любящая, страдающая.

Любви все возрасты покорны...

Эта строчка стала поговоркой, ее повторяют, не вдумываясь, а между тем она начинает одну из самых трагических и самых глубоких строф романа. Автор либретто оперы «Евгений Онегин» позволил себе чрезвычайно вольно поступить с мудрыми пушкинскими строками. У него все просто: «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны и юноше во цвете лет, едва увидевшему свет, и закаленному судьбой бойцу с седой головой...»

Здесь не только приписаны к двум пушкинским строчкам просто плохие стихи, но искажена пушкинская мысль. Получилось этакое развеселое: любите, друзья, любовь во всяком возрасте приносит одну только радость...

У Пушкина все совсем иначе:

Любви все возрасты покорны:
НО ЮНЫМ, ДЕВСТВЕННЫМ СЕРДЦАМ
ЕЕ ПОРЫВЫ БЛАГОТВОРНЫ,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежают,
И обновляются, и зреют —
И жизнь могущая дает
И пышный цвет и сладкий плод.

Да, в юности любовь легка, и даже страдания ее легки. Не только потому, что молодому человеку все в жизни проще: он полон сил, веры в людей, в свое счастье — но и потому, что молодой человек в принципе одинок; он сам по себе, и отдать себя, свою душу, свою жизнь другому человеку — его естественная потребность; он этим никому не причиняет зла; он свободен...

Но в возраст поздний и бесплодный,
НА ПОВОРОТЕ НАШИХ ЛЕТ,
ПЕЧАЛЕН страсти мертвый след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

Любовь зрелого человека трагична. Всегда. Как в пушкинское время, так и в наше. И не только потому, что зрелый человек чаще всего имеет семью, которая становится несчастной, если он ее оставляет (так и здесь: Онегин свободен, но у Татьяны есть муж, который любит ее и гордится ею). Это очень страшно — купить свое счастье ценой несчастья близкого человека.

Но дело не только в этом. Зрелый человек обременен опытом, которого нет у молодого: он то не верит своей любви, то не верит чувству другого, боится потерь, разочарований; он устал страдать; ему уже дороже «покой и воля», чем «бурные волнения», он знает, какие муки может принести настоящая любовь, и страшится этих мук, он уже испытал все, к чему молодой человек стремится: горечь утрат и разлук, унижение ожидания, опустошенность потери...

Страшно зрелому человеку испытать любовь. Пушкин знает это, и Онегин тоже знает. Но — поздно! Сердце Евгения, закрытое для творчества, для любви, для тоски по делу, равнодушное сердце разочарованного денди, переполнилось новыми чувствами еще

во время путешествия. Он возродился к жизни, а возродившись, полюбил ту самую женщину, которую не умел любить прежде, которая суждена ему судьбою.

Сомненья нет: увы! Евгений
В Татьяну как дитя влюблен;
В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он.

В письме Татьяны к Онегину Пушкин точно и тонко передал смятение, тоску, надежду влюбленной девушки. Но ему самому была ближе и понятней зрелая страсть Онегина. Он писал восьмую главу тридцатилетним, он испытывал ту же опасную, трагическую и непреодолимую любовь зрелого человека, что и его герой... И мне, когда я читаю о любви Онегина, видится Пушкин с его нелегкой любовью к Гончаровой:

Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень...
...
Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три...

Читатели романа давно обратили внимание на очень простое его построение. Главные герои — ОН и ОНА — меняются ролями к концу книги. Сначала ОНА любит ЕГО, а ОН не замечает ЕЕ, ОНА пишет ЕМУ письмо и выслушивает ЕГО проповедь... Потом ОН любит ЕЕ, а ОНА не замечает ЕГО, ОН пишет ЕЙ письмо и выслушивает ЕЕ проповедь — только и всего... Но это простое построение только подчеркивает сложность человеческих переживаний, внешне укладывающихся в такую нехитрую схему. И может быть, читая письмо Онегина, мы, как никогда еще раньше, убеждаемся в справедливости пушкинской мысли: каждый человек неповторимо индивидуален, он — чудо... Нигде так глубоко, так полно не раскрывается характер человека, как в любви: насколько же возвышенная любовь юной, неопытной Татьяны не похожа на возвышенную же любовь зрелого Онегина! И насколько глубже и прекраснее чувство Онегина!

Он начинает письмо очень похоже — конечно, по мысли, а не по словам — на письмо Татьяны:

Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!

Сразу вспоминается:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.

Онегин, как и Татьяна в свое время, начинает письмо с попытки как-то объяснить свой поступок, старается писать сдержанно и даже не очень искренне:

Случайно вас когда-то встреть,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел....

Какая же тут «искра нежности», если Татьяна не скрывала от него своей любви, огромного чувства, которому он не хотел поверить... Вот где прорывается правда:

Свою постылую свободу
Я потерять не захотел...

...
 Я думал: вольность и покой
 Замена счастьем. Боже мой!
 Как я ошибся, как наказан!

Через несколько лет, в 1834 году, Пушкин, уже женатый, снова придет к убеждению, что «на свете счастья нет, но есть покой и воля». Теперь же, в 1830 году, и он, и его герой стремятся к бурям, надеются на их освежающую силу...

Татьяна начала свое письмо сдержанно, на «вы» — и не выдержала холодного тона: «То воля неба: я твоя; вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой...» Онегин не заменяет «пустого *вы* сердечным *ты*», но и он, начав письмо спокойно, не выдерживает холодного тона, и мучительная страсть прорывается в его письме:

Нет, поминУтно, Видеть Вас,
 ПоВсюду слеДоВать за Вами,
 УЛыбкУ Уст, дВиженье гЛаз
 ЛоВить ВЛюбЛенными гЛазами...

Вдруг теперь, через столько лет, в письме Онегина начинает звучать нежная мелодия Ленского: в — л — у... Все, что он видел и пережил в жизни, весь опыт его вложен в эту любовь — последнюю его надежду...

Маяковский, по рассказам друзей, любил читать письмо Онегина наизусть и без конца повторял строки:

Я знаю: век уж мой измерен;
 Но чтоб продлилась жизнь моя,
 Я утром должен быть уверен,
 Что с вами днем увижусь я.

Когда мы говорим: «утром» — то противоположное понятие: «вечером». Привычный контраст: день — ночь, утро — вечер. Но Онегину не дожить до вечера, это очень долго.

Я УТРОМ должен быть уверен,
 Что с вами ДНЕМ увижусь я.

Трудно писать такое письмо человеку, чью любовь ты отверг. Еще труднее понимать, что человек этот совсем тебя не знает и может не поверить, увидеть «затеи хитрости презренной» там, где кипит мучительное и глубокое чувство... Трудно и потому, что каждому человеку свойственно свое чувство, свои страдания считать исключительными. А Онегин, при всем уме, обыкновенный человек, и он считает истинным только свой опыт:

Когда б вы знали, как ужасно
 Томиться жаждою любви,
 Пылать — и разумом всечасно
 Смирять волнение в крови. ..
 ...
 А между тем притворным хладом
 Вооружать и речь и взор,
 Вести спокойный разговор,
 Глядеть на вас веселым взглядом!..

Как будто Татьяна не знает всего этого! Как будто ей не приходилось «смирять волнение в крови» и «вести спокойный разговор»; как будто сам Онегин не рассердился, когда она не сразу сумела сдержать себя на именинах!

Теперь ему даже подумать страшно о тех временах, когда он отверг свою любимую. Он не может понять себя самого, каким был он тогда, — не может, потому что теперь он другой. Если бы он, такой, как теперь, встретил Татьяну в деревне! Может, были бы они счастливы; может, и Ленский остался бы жив... Но, увы, так вот и случается в жизни: опыт приходит слишком поздно, и горько приходится каяться за необдуманные поступки, и ни-

чего в жизни нельзя повернуть вспять... Татьяна не верит Онегину. Что она знает о нем? Каким представляет его? Таким, какого увидела в «опустелом кабинете» три года назад, на страницах его книг; в саду, когда пели девушки и сердце ее трепетало, а Онегин был холоден и многословен... Теперь она читает его письма — и не верит им. (Ведь Онегин написал Татьяне не одно письмо: «Ответа нет Он вновь посланье. Второму, третьему письму ответа нет».) Почему же мы, читая письмо Онегина, видим в нем неподдельную, настоящую любовь, а Татьяна не хочет видеть?

Может быть, ее жизнь в свете дала ей печальный опыт познания людей: ей уже известно, что мелкие чувства могут внешне выглядеть так же, как истинные... Может быть, жизнь в свете научила ее не верить людям — так считают некоторые исследователи творчества Пушкина.

Во всяком случае, оружие у Татьяны одно — суровость:

Его не видят, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!..
...
Надежды нет! Он уезжает,
Свое безумство проклиная —
И, в нем глубоко погружен,
От света вновь отрекся он.

Внешне Онегин возвращается к тому образу жизни, который он вел, когда мы только познакомились с ним:

И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете...

Это очень важные строки. «Припомнилась пора»! Значит, тогда было другое время, другое состояние души, и сам Онегин был другой! Каков же он теперь?

Даже круг его чтения говорит очень много и очень определенно читателю-другу, современнику Пушкина. Гиббон, Руссо, Гердер, мадам де Сталь, Бель и Фонтенель — философы, просветители, ученые... Это не «два-три романа, в которых отразился век», любимые Онегиным раньше. Это — круг чтения декабристов, людей, стремящихся к действию...

Но этого мало. Перед Онегиным открывается теперь все то, что было ему недоступно три года назад.

Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой.

Духовный мир Татьяны — «преданья... старины», «сны», «сказки вздор живой» — поэтический народный мир открылся теперь Онегину. Вся его жизнь проходит перед ним, он вспоминает ее, снова передумывает, снова казнит себя:

То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,

Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом — и у окна
Сидит *она*... и все она!...

Как же можно говорить, что Онегин полюбил светскую даму? В мечтах своих он видит не гостиную, а сельский дом — и ее в сельском доме! Он отрекся от своего прошлого и осудил все в этом прошлом, ему ненавистны все воспоминания — кроме того, что связано с ней... В княгине он увидел и полюбил ту самую «бедную Таню», которую не умел любить раньше. Его обновленной душе открылась любовь, он научился думать, теперь он может постичь и поэзию. Если раньше «не мог он ямба от хорея, как мы ни бились, отличить», то теперь

Стихов российских механизма
Едва ль в то время не постиг
Мой бестолковый ученик.
Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один...

Онегин стал другим, а Татьяна осталась прежней. Но она не верит в перемену, происшедшую в нем...

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима...
...
На синих, иссеченных льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег...

Каждый ленинградец знает, когда в нашем городе бывает такое: это март: синие, иссеченные льды, солнце, съездившиеся почерневшие сугробы... Мы помним: дуэль Онегина и Ленского состоялась зимой 1821 года. Весной того же года Онегин уехал странствовать, провел в путешествиях три года и к осени 1824 года возвратился в Петербург. Встретил Татьяну, полюбил ее, послал письмо, — не получив ответа, заперся в «молчаливом кабинете», провел одну зиму и вот теперь, в марте 1825 года, Онегин в последний раз увидит Татьяну, простится с ней и уйдет — куда? Мы еще задумаемся об этом. А пока мы вместе с Онегиным «несемся вдоль Невы в санях», любуемся северной весной, невскими льдами, снегом...

Куда по нем свой быстрый бег
Стремит Онегин? Вы заране
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей Татьяне,
Мой неисправленный чужак.

Мы уже видели: Пушкин очень редко переносит действие из одной строфы в другую. Так было, когда Татьяна в смятении бежала в сад от приехавшего Онегина или — кто знает? — к нему навстречу; так было, когда Ленский упал на чистый снег, чтобы не подняться больше... И вот теперь опять — половина фразы «Куда по нем свой быстрый бег» — завершает тридцать девятую строфу, вторая половина — «Стремит Онегин?» — начинает сороковую. Опять — резкий, решающий перелом в судьбе героя; опять — страдания, мучительное волнение. И здесь — впервые за все время — Пушкин не только признает любовь Онегина, но и преклоняется, отступает перед этой любовью. До сих пор он, Пушкин, автор, любил Татьяну больше всех. Он один имел право говорить о ней нежно: «голубушка», «пальчик», «ножка милая»; называть ее своей: «моей Татьяне все равно», «письмо красавицы моей», «я так люблю Татьяну милую мою»... Теперь, когда Онегин полюбил по-настоящему, Пушкин впервые признает его право назвать Татьяну своей: «примчался к ней, к своей Татьяне...»

Поэт, друг своих героев, всей душой желает им счастья. Но счастье невозможно.

Восьмая глава всегда вызывала и вызывает больше всего споров у знатоков и любителей литературы, и это естественно: Пушкин не только ничего не навязывает читателю, но почти не сообщает мотивов, по которым действуют герои, — потому и возникают споры, разные точки зрения, каждая из которых по-своему опирается на текст романа. Кроме того, каждое поколение читает Пушкина по-своему.

Через восемь лет после смерти Пушкина, в 1845 году, Белинский написал свои знаменитые статьи о «Евгении Онегине». Для Белинского трагедия восьмой главы в том, что Татьяна не поняла Онегина и его любви. Человек сороковых годов, демократ, Белинский выше всего ставил свободу человеческой личности. Поэтому он осуждает Татьяну за то, что она пожертвовала своей любовью к Онегину ради долга, ради верности мужу, которого она не любит, а только уважает.

Следующее поколение — шестидесятых годов — откликнулось на «Онегина» статьями Писарева. Это поколение стремилось сломать старые, отжившие человеческие отношения и построить новые. В своей борьбе за новую жизнь, новое искусство люди шестидесятых годов отрицали все созданное предками, в том числе — поэзию Пушкина. Один из наиболее ярких, талантливых молодых людей этой эпохи — Дмитрий Иванович Писарев — говорил, что Белинский придавал Пушкину «слишком важное значение — такое значение, которого он уже не может иметь в 1865 году».

В восьмой главе Писарев осуждает обоих: и Татьяну, и Онегина. Оба они, по мнению Писарева, «потеряли способность чувствовать и действовать по-человечески». Татьяну Писарев осуждает за то, что она не ушла от мужа, но и в любовь Онегина Писарев не верит.

Теперь-то мы знаем наверное, что Писарев ошибся. Не только в 1865 году, но и в 1965 году вопрос о Пушкине имеет важное значение для миллионов людей. И отношения Татьяны с Онегиным гораздо сложнее, чем это представлялось Писареву. Уже следующее поколение — восьмидесятых годов — ответило ему речью Достоевского в связи с открытием памятника Пушкину в Москве в 1880 году.

Достоевский по-своему прочел роман Пушкина. Для него главная героиня — Татьяна, она — идеал женщины, идеал человека. Ее поведение в восьмой главе — воплощение нравственного совершенства, потому что человек не должен и не может строить свое счастье на несчастье другого...

Споры о восьмой главе продолжаются и в наше время. Некоторые литературоведы видят трагедию этой главы в том, что теперь изменилась Татьяна, свет сломил ее, на этот раз она губит счастье свое и Онегина. Ведь Татьяна не своей волей вышла замуж, ее убедила мать, она «отдана», а не сама отдала свою судьбу — значит, она имеет моральное право прервать отношения с нелюбимым человеком, но на это у нее уже нет решимости, нет сил, она боится света, подчиняется его нравственному кодексу.

Мне кажется, у Пушкина есть прямые указания на то, что Татьяна не изменилась, осталась прежней:

Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал!..

...

Ей внятно все. Простая дева,
С мечтами, сердцем прежних дней
Теперь опять воскресла в ней.

«Равнодушная княгиня», оказывается, называет светскую жизнь «постылой», мечтает о сельском кладбище, бедном доме, диком саде... Свет не испортил, не искалечил Татьяну, душа ее осталась прежней — но ведь прошло три года, она стала старше, многое узнала и увидела, — конечно, она не осталась совсем такой, как была. Если Онегин изменился внутренне, то Татьяна — скорее внешне. Она повзрослела, стала сдержанней, спокойней, научилась оберегать свою душу от чужого взгляда. И эта внешняя сдержан-

ность при том же внутреннем богатстве, той же красоте душевной, которой она обладала в юности, еще больше привлекает к ней Онегина. Встретив Татьяну в свете, он оценил не только глубину, но и силу ее души. Татьяна всего этого не понимает. Она упрекает Евгения:

Зачем у вас я на примете?
 Не потому ль, что в высшем свете
 Теперь являться я должна,
 Что я богата и знатна...
 ...
 Не потому ль, что мой позор
 Теперь бы всеми был замечен
 И мог бы в обществе принести
 Вам соблазнительную честь?

Прежний Онегин — такой, какого раньше знала Татьяна, мог бы ухаживать за княгиней из таких вот мелких, недостойных побуждений. Прежний — но не новый Онегин, которого Татьяна не знает. Ей кажется: «А счастье было так возможно, так близко», — это неверно. Раньше счастье не было возможно, потому что Онегин не умел любить. Счастье возможно только теперь, с обновленным Онегиным, но... поздно. Чистый и цельный человек, Татьяна не может и не хочет обманывать мужа, которого она уважает. Уйти же от него к Онегину — значило бы разрушить и свою жизнь (свет не простил бы такого поступка) и, главное, жизнь другого человека, любящего ее, — Татьяна не считает себя вправе жертвовать счастьем мужа ради своего счастья.

Татьяне остается только страдать. Прежний Евгений, равнодушный и эгоистичный, не понял бы ее мучений. Теперь он понимает все — ни продолжать преследовать княгиню, ни отказаться от нее совсем Онегин не в состоянии. В такую вот «минуту, злую для него», Пушкин и оставляет своего героя.

В марте 1825 года, потеряв надежду на личное счастье, Онегин остается один в Петербурге. Что с ним будет? Запрется ли он в своем кабинете, бросится в светский омут, найдет дорогу к декабристам? Этого мы не знаем. Нам известно только, что Пушкин написал и сжег десятую главу романа, — до нас дошли зашифрованные отрывки этой главы, из которых мы узнали, что она должна была рассказать читателю о декабристах. Нам очень хочется думать, что Онегин, по замыслу Пушкина, должен был найти себе место на Сенатской площади.

Очень хочется думать так. Но в основном тексте романа Онегин остается на распутье — и читатель вместе с ним еще раз задумывается: что же есть жизнь? Как надо жить? Куда идти? Кого любить? С кем и за что бороться?

Среди этих размышлений Пушкин оставляет своего читателя. Он прощается с ним, как всегда, шутливо и, как всегда, за шуткой очень серьезно:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
 Друг, недруг, я хочу с тобой
 Расстаться нынче как приятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здесь ни искал в строфах небрежных,
 Воспоминаний ли мятежных,
 Отдохновенья ль от трудов,
 Живых картин иль острых слов,
 Иль грамматических ошибок,
 Дай бог, чтоб в этой книжке ты
 Для развлечения, для мечты,
 Для сердца, для журнальных сшибок
 Хотя крупицу мог найти.
 Засим расстанемся, прости!

Читатель — как в пушкинское время, так и в наше — бывает разный, и Пушкин знает это. Но он верит своему читателю, верит: он писал свой роман для тех, кто ищет в нем пищу «для мечты, для сердца», а не просто «для развлечения».

Нам жалко расставаться с героями романа, оставлять их в трудную минуту. Но самое горестное — расставаться с Пушкиным. Мы так привыкли к нему: к его мудрым советам и веселым насмешкам, к его открытости, доверию, доброте — и к его гневу, горечи, боли; нам будет недоставать его легкой серьезности, его шутиливой мудрости... Впрочем, почему же будет недоставать? «Онегин» с нами — в любую минуту мы откроем его и снова встретимся с Пушкиным.

Но кто объяснит нам, наконец, его роман? Кто растолкует «Онегина» так, что уже нечего будет добавить? Надо надеяться, что никто. Пусть живет эта книга вечно, и пусть каждое новое поколение находит в ней что-то важное для себя...